

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экран и сцена —
1993. — 23-30 дек (№ 51)
— с. 16.

Кто-то сказал, что актер проживает не одну жизнь, а множество, столько, сколько у него было ролей. Если это так, то жизнью Марии Пастуховой было уже что-то около полутора сотен (в театре и в кино). А когда мы с ней разговаривали, она начинала новую роль — графини Матильды Шарден в пьесе К. Хиггинса и Ж.-К. Каррьера «Гарольд и Мод». И конечно же, эта иная судьба, иная жизнь, так непохожая, казалось бы, на жизнь актрисы в нашей стране, в Москве, в театре Армии, витала над нами, вмешивалась в беседу, освещала ее своим странным светом.

МОД. Вот смотрите, старые фотографии. Я была совсем другой... И тем не менее все та же...

— Если хотите знать, я вообще мечтала стать врачом. И до сих пор думаю, что врач из меня получился бы неплохой. Может быть, ветеринарный... Хотя поступала я во 2-й медицинский.

— И поступили?

— Поступила. Но одновременно подала документы в театральный. И тоже поступила. Так что пришлось выбирать.

— Это вы так шутите?

— Какие шутки! Приехала в Москву из Мелитополя, разговаривала с невозможным южно-русским акцентом, так что меня и принимать-то в театральный не хотели. То есть, некоторые члены приемной комиссии не хотели, а Топорков, Тарханов и другие сказали, что эту девушку нужно взять, но над речью ей придется поработать. Ну хорошо, хорошо, конечно же, я мечтала стать актрисой, а в медицинский подала на всякий случай, чтобы иметь профессию, если не возьмут в театральный. Но сейчас я не знаю, чего хотела бы больше.

— И как сложилась бы жизнь?

— Зачем гадать. Она сложилась так, как было суждено.

— Но вы не стали бы народной артисткой, лауреатом...

— Это как раз не самое главное. Жаль было бы не встретить тех людей, с которыми меня столкнула актерская судьба. В конце концов, оказывается, что мы приобретаем не звания, не деньги, не признание даже, мы приобретаем друзей. Только родители — от Бога, и с ними мне повезло. Они, как говорили тогда, «из простых»: папа — столяр, мама — домохозяйка. Но они были интеллигентными людьми. Ведь что такое интеллигент? Это человек думающий, увлекающийся, верящий в справедливость. У папы были те же увлечения и те же ошибки, что и у многих русских интеллигентов начала века. Он ведь не Пастухов, а Колосов. Николай Колосов — его настоящее имя и фамилия. Он был революционер, подпольщик. И взял себе псевдоним Фома Пастухов. С этой фамилией и в киевской тюрьме сидел, и ее же оставил себе после революции. А потом, после войны, в Москве, мучился, требовал от меня ответа: «Где демократия? Где она, Маша?»

— Это он о какой демократии?

— О той, за которую боролся в подполье, в революцию.

— А сейчас говорят: где демократия, за которую боролись в августе. Все повторяется?

— Повторяется, но как-то иначе. Вопрос который мучил отца, он задавал дома. Он не смел выйти с ним, как это можно сейчас, на улицу. Даже он, очень смелый человек.

— Вы тоже боялись?

— Конечно. Когда арестовали моего мужа, Бориса Войтехова (он был писатель, редактор журнала «Смена»), я перестала запираеть дверь. Чтобы, если придут арестовывать, — не стучали. И при малейшем шорохе на лестнице я вскакивала и распахивала дверь настежь. Это такая храбрость отчаяния — явное порождение страха.

— А вы пошли по стопам отца? Были в партии?

— Нет. Хотя вступить предлагали не раз. Только я не хотела.

— Почему?

— Не люблю я этого. Хотя, если бы вступила, то, возможно, карьера моя была бы более успешной. Меня

И ОДНА СУДЬБА

ведь не только в партию звали, меня и в стукачи вербовали.

— Вот так просто — приходили и предлагали?

— Конечно. Снимали с репетиции, приглашали в отдел кадров, а там уже заведующий не было, но сидел человек и говорил: «Вы много видите, многих знаете, вы должны...»

— А вы?

— А я отвечала, что никому ничего не должна. Что у меня есть профессия, а другой мне не нужно.

— Тогда давайте вернемся к профессии.

МОД. Каждый живет взаперти. Но можно открыть окна, опустить подъемный мост, выйти, обнаружить других, остановиться, полететь. О, это так прекрасно перепрыгнуть через стену и спеть под открытым небом.

ГАРОЛЬД. Для этого надо быть достаточно смелым. Вы не боитесь?

МОД. Бояться чего? То, что мне известно, я знаю. То, что мне неизвестно, я стремлюсь познать. Таким образом у меня есть друзья.

— У вас было восемьдесят восемь ролей в театре, в одном-единственном, в котором вы работали и работаете. Мод — восемьдесят девятая.

— Работать я всегда любила. Прекрасное время было в институте, именно потому, что было много работы. Нужно было исправлять мой говор, а это требовало огромного труда, нужно было учиться, репетировать. Я играла Любовь Яровую, Таню в «Мещанах». Выпускным курсом мы поехали на гастроли в Брест. К нам приехал Тарханов, после спектакля мы устроили чай, очень веселились, а ночью Брест начали бомбить. До Москвы добираться трудно, под бомбежками, нескольких человек потеряли.

— А потом?

— В Москве меня ждал муж, очень беспокоился.

— Войтехов?

— Нет. Тогда это был Николай Крючков. Мы познакомились с ним на съемках «Трактористов». Иван Александрович Пырьев пригласил меня, еще студентку на небольшую роль, и в киноэкспедиции на Украине я и познакомилась с Николаем Афанасьевичем. Но я была студенткой, порядки в институте были тогда строгими, разрешалось сниматься только во время каникул. Каникулы окончились, мне пришлось вернуться, так в фильме я и не оказалась — мелькнула где-то в нескольких кадрах. Но когда Крючков приехал в Москву, стал звонить, приходить, ухаживать. Так что свадьба была студенческая — очень веселая...

— Он был очень известным человеком в те предвоенные годы.

— Да, по известности он был, вероятно, человек номер 1. Наверное, это меня тоже увлекало, однако он еще и интересный человек — яркий, самобытный, талантливый. Я вообще люблю талантливых людей, и мне на них очень везло. В Алма-Ате, куда были эвакуированы киностудии и создана объединенная, мы с Николаем Афанасьевичем жили в доме, который назывался «лауреатником» — для лауреатов Сталинской премии. Там жил Пырьев. Там я познакомилась с Пудовкиным, с Эйзенштейном. Замечательно интересные и очень сложные люди. Пудовкин увлекался, как теперь бы сказали, оккультными науками, приспособил напротив своей постели нечто, похожее на мишень и говорил, что каждое утро или каждый вечер (я точно не помню) вглядывался в этот рисунок, сосредоточивался, что-то ищет в себе. А на съемочной площадке был невероятно темпераментным, взрывным: ругался, кричал, прыгал. Я у него снималась в картине «Русские люди». Константин Симонов хотел, чтобы в этой роли снималась Валентина Серова, но Пудовкин отдал ее мне, несмотря на авторитет автора сценария.

— А Эйзенштейн?

— С ним я не работала. Знаю только, что несмотря на все сложности его профессиональной и человеческой судьбы в то время, он продолжал оставаться очень веселым, ироничным человеком. Это были люди высокой культуры, и они мне подарили многое из того, что я сейчас знаю о жизни, об искусстве. Я была молодой тогда, а они уже прошли большой путь в искусстве в той жизни, которая нас окружала, поднимала, давила, заставляла радоваться или сжимала сердце от страха.

— Вы хотите сказать, что и на этих больших художников действовало время, заставляло поступать в чем-то вопреки своей природе?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Это требует специального исследования, а у меня — все-таки другая профессия. Знаю только, что время это было невозможным для вольного творчества, для свободного полета мысли, и им, конечно, приходилось как-то приспосабливаться. Хотя, конечно, я не берусь анализировать творчество Эйзенштейна или, например, Козинцева. Тем более судить их

жизнь. Я не имею на это права. Могу только восхищаться какой-то очень женской и жертвенной стойкостью Анны Андреевны Ахматовой. Или вспоминать такого безумно храброго и вместе с тем отчаянно неприкаянного человека, каким был Василий Сталин.

— Вы и с ним были знакомы?

— Мы познакомились после войны. Он был близким другом Бориса Войтехова. Он даже как-то посадил Бориса в свой самолет, и вот так, вдвоем, они участвовали в военном-воздушном параде.

— И несмотря на эту дружбу, Войтехова все-таки арестовали?

— Вы думаете Вася мог помочь? Он сам был, как это говорят, под колпаком у своего отца. Может быть, поэтому и хулиганил, и пил. А человек он был очень хороший — необыкновенной отваги и чести. Его нет уже, но я дружу с его сыном Александром Бурдонским, режиссером нашего театра, играю в его спектаклях.

— Мы опять отвлеклись с вами от главной темы: фильмы, спектакли, роли...

ГАРОЛЬД. Вы читаете молитвы?

МОД. Я причащаюсь.

ГАРОЛЬД. Богу?

МОД. Жизни.

ГАРОЛЬД. А в Бога вы верите?

МОД. Как все люди.

— После съемок «Малахова кургана» мы вернулись в Москву. Нужно было как-то определиться, потому что кино я любила и люблю, но главным своим делом считаю театр. Тарханов советовал поступать во МХАТ, но один мой сокурсник сказал: «Иди к нам. У нас Попов!» И я пошла показываться в театр Красной Армии. Алексей Дмитриевич посмотрел, мы поговорили, он сказал, что мы беседуем на одном языке и принял в труппу. С тех пор я здесь, почти пятьдесят лет. Ролями, слава Богу, не обижали, ни Алексей Дмитриевич, ни другие режиссеры. Вместе с Алексеем Дмитриевичем мы получили Государственную премию за спектакль «Степь широкая». Потом, правда, наше творческое содружество несколько разладилось. Он был очень порядочным человеком со строгими мерками морали, и не принял моего развода с Крючковым, отдалил от себя. Но играть я продолжала и много. Знаете, вспоминать прошлые роли нелегко — это как будто прощаешься с другом. Вот я играю сейчас в спектакле «Боже, храни короля!» — мне нравится эта работа, нравится, как мы ее репетировали с Леонидом Хейфецом. Может быть, потому, что он ученик Алексея Дмитриевича Попова, или просто есть у нас какое-то внутреннее сходство, но репетировать с ним одно наслаждение.

— Вы говорите с ним на одном языке?

— Наверное. И мне нравится моя последняя роль, которую мы делали с режиссером Андреем Бадугиным.

— Мод?

— Ну, конечно. Это необыкновенный человек, мне бы после всей моей жизни дотянуться до нее, дорости. Она живет так, как дышат цветы, как растет трава. Нужно спасти дерево — она спасает, нужно выпустить тюленя в море — она выпустит. Совершенная свобода духа, нам пока неизвестная. И всеобъемлющая любовь. Такая любовь, о которой говорят, что Бог есть любовь. Я не знаю, как объяснить словами, но наличие в человеке любви, духовной любви, говорит о том, что Бог есть. Есть любовь — есть крупница Бога в тебе.

— Вы верите?

— Да.

Нам так и не удалось поговорить о ролях — о тех судьбах, которые прожила актриса Мария Пастухова на сцене и в кино. Но ведь есть, была и будет ее собственная неповторимая единственная жизнь — как у любого человека любой профессии. Интересная и прекрасная именно этой неповторимостью.

МОД. Так давайте же, Господи, вперед! Ничего, если это причиняет боль. Играйте! Живите! Иначе вам не о чем будет вспомнить и рассказать друзьям.

Оскар КУЗНЕЦОВ.
Фото Николая Звягинцева.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО